

Из Иркутска – на остров Варничий

Продолжение.
Начало в №9 (120)

– 5 –

Первые дни оказались довольно свободными. Горный полковник Крюков на завод все не возвращался, и потому особого распоряжения, как поступить с прибывшими, не было. Так неожиданно для себя Якубович и Оболенский получили относительную свободу. На урядника Скуратова, наводившего страх на заводских рабочих, старались особо внимания не обращать. Почти год, проведенный в заточении, приучил и к более жесткому полицейскому надзору, а здесь же все свелось, правда, на первых порах, лишь к формальным ограничениям. По обоюдному согласию время свободное решили употребить на осмотр окрестностей, изучение завода, где им предстояло жить и работать. Среди заводских служащих нашлись толковые люди, способные удовлетворить не только праздный интерес, но дать и характеристику промысла, и историческую справку.

Первым делом побывали в варницах, чтобы представить процесс добычи соли. Увиденное потрясло. Здесь, в низком, прокопченном дымом помещении, где, казалось, не воздух, а соляная влага опутывала людей, бывшие члены тайных обществ впервые своими глазами увидели и поняли, что такое соляная каторга. Несчастные на солеварне не имели ни минуты отдыха. В ломотях, грязные, по многу часов проводили они у огня, заливая в чрепы, где выпаривалась соль, все новые и новые порции рассола. Люди были измождены, соль засыхала на одежде, лице, в волосах. Редкой удачей оказывался миг, когда можно было на мгновение высочиться за дверь глотнуть свежего воздуха. Охрана, следившая за каторжниками, сама страдала от соленого смрада, и потому к своим обязанностям порою относилась небрежно. Ситуация менялась, когда в варницу залетал урядник Скуратов. Начинались крики, ругань, зуботычины. Измотанные непосильной работой люди, огрызались. Это еще больше вывело жандарма из себя.

Однажды за них вступился Якубович.

– Прекратите, ведь люди перед вами, – крикнул он Скуратову, – разве можно так!
– Люди? – урядник рванулся к Якубовичу. – Нет, это каторжники. И работать они будут так, как я им прикажу.

Злоба кипела в Скуратове, но он все-таки сдержался и не ударил Якубовича. Лишь зло выдохнул:

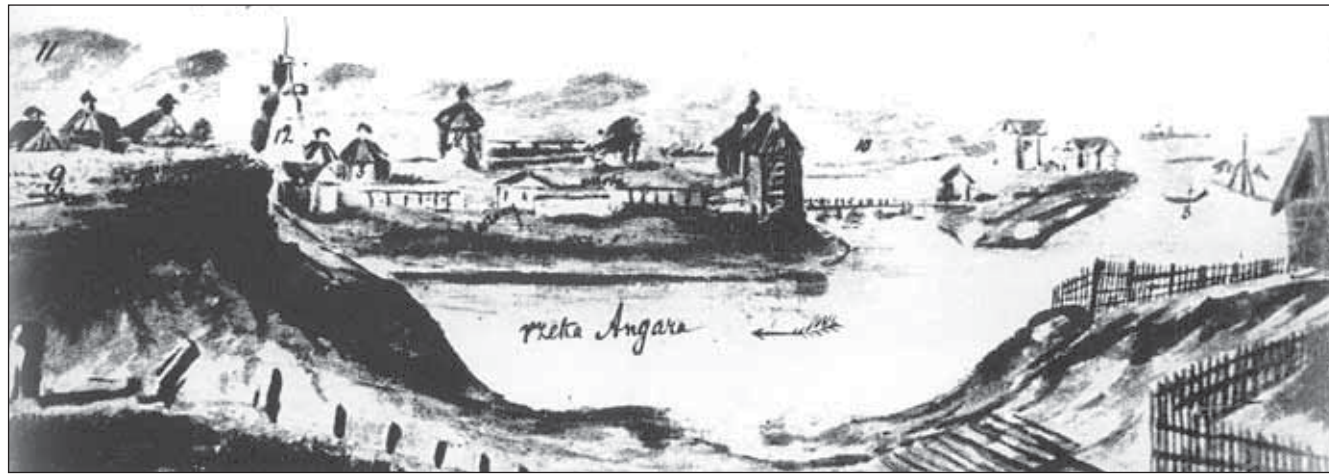
– И вам придется здесь гнуть хребет. Для государственных преступников лучшего места не найти.
Скуратов резко крутнулся на каблучках и шагнул в открытую дверь на свежий воздух. Он никак не мог примириться с приказом обращаться с необычными преступниками по-человечески. В этом царстве соли он считал себя господином и действовал, не зная запретов. Его злило, выводило из себя, что двое каторжников, присланных из Иркутска, имеют какие-то привилегии. Ему делалось не по себе, когда он поглядывал на странных узников, хоть и похожих на других кандалников, но все же каких-то особенных. Урядника охватывала люта злоба при мысли, что на них не распространяется его неограниченная власть.

– 6 –

Знакомство же с селом долгого времени не потребовало. И часа хватило, чтобы обойти несколько уголков, сбегавших к Ангаре. Дома были похожи один на другой. Заводской чиновник, добровольно взявший на себя обязанности экскурсовода, давал пояснения. Пришлось педантично запомнить, что местные жители дом чаще всего называли избой, а стоило подняться ветру – погода, говорили, началась.

Фото 1994 года. Мэр Усолье-Сибирского Л. Белобородов открывает памятник соляному источнику на острове Варничий

Село Усолье, XIX век. Соляной ключ на дне Ангары дал жизнь селу

Удивляли не только сами дома, рубленные из толстых бревен. За прочными заплатами из плаха, а то и целых бревен, виднелись надворные постройки, крепостью своей мало в чем уступавшие самим домам. К сельской околище, по границе которой тянулись огороды и хлебные делянки, вплотную подступал лес. В большинстве подворий виднелись копыны сена. Многие из местных жителей держали скот, не надеясь на щедрость тайги.

Местные жители, заведя невольников, молча кланялись и продолжали заниматься своим делом. Этому внешне безразличию было объяснение, и первым это понял Оболенский.

– Насмотрелись на таких, как мы, горемычных, друг мой Александр, – сказал он, обращаясь к Якубовичу. – Ни кандалами, ни арестантской одеждой, пожалуй, и ребятишек тут не удивишь.

– Что и говорить, – согласился Якубович. – Каторга и на вольный люд отпечаток свой накладывает.

Знакомясь с селом, Якубович и Оболенский невольно заинтересовались историей добычи соли, возникновением завода. Пришлось понаслушаться былей-небылиц, но имелись и документы. По вечерам, когда запирались ставни, и они оставались одни, старались привести в порядок дневные впечатления. Оболенского все чаще посещала мысль, что следует, как можно точнее зафиксировать детали сибирского изгнания. И хотя он не вел подробного дневника, кое-что – имена, цитаты – заносил для памяти на бумагу. Якубович подшучивал над другом, но понимал, что его товарищ прав.

Из разрозненных разговоров, личных впечатлений от знакомства с природой, осмотра завода складывалась довольно ясная картина того, как соляной ключ на дне Ангары дал жизнь селу, а затем и заводу, вскоре приобретшему славу как одного из тяжелых мест подневольного труда.

– Самодержавие, – горячился Якубович, – привело к издевательствам над людьми.

Оболенский соглашался, но, стараясь охладить пыл своего товарища, пытался в истории соляного промысла увидеть и черты русского характера.

– Талантлив народ наш, – обращался он к Якубовичу, – энергии, напора, предприимчивости ему не занимать... И друзья по неволе, дополняя друг друга, рисовали для себя картину того, как возник и развивался завод «у соли».

Из архивных документов они знали, что еще в 1669 году енисейский казначий пятидесятник Онисим Михалев получил царскую милость на добычу соли на Ангарских островах, где им был найден соляной ключ. Эта удача в жизни Онисима Михалева была хотя и крупной, но не первой. В своих походах по Приангарью Михалев исправно нес государеву службу. На его счету оказалось открытие месторождения графита на западном берегу Байкала, слюды на Витиме. К себе в помощники Онисим пригласил родного брата Гавриила с его сыновьями: Иваном, Матвеем, Филоном и Вавилой. Дело у работавшей семьи спорилось, и вскоре соль с нового промысла появилась в Иркутском остроге, поскольку царская

грамота ставила строгое условие – четыре пуда соли варить для себя, а пятый, как пошлину, поставлять в казну «круглый год без утайки».

Оболенский попытался на листе бумаги представить, как выглядела первая варница. Изобразил нечто напоминающее крестьянскую избу с двускатной крышей. Вверху – отверстие для выхода дыма. По бокам четырёхугольной ямы, в которой держали огонь, устанавливались столбы для листовенных перекладин с железными дугами, на которые подвешивались чрены, напоминавший большой противень. Получился не то чертеж, не то рисунок.

Якубович добродушно подшучивал над своим товарищем, с усердием старавшимся закончить начатую схему:

– Все вроде ясно, только вот никак не пойму, откуда соль-то берется?

– Смотри внимательно, – Оболенский не обращал внимания на шустрый тон товарища, для которого не был до конца понятен его интерес ко всему, что они увидели на новом месте.

– Там, где соляной ключ, – продолжал он рассказ, – копали колодец, в который опускали листовенную трубу. В ней собирался рассол, а чтобы не попадала пресная вода, трубу ограждали срубом, а пространство между ними заполняли глиной. С помощью журавца с кожаным трехведерником качали рассол и сливали в специальный ларь. Затем рассол заливали в чрен для выварки. Соль, осевшую на дно, сгребали к бортам чрена, и мокрую выбрасывали на полати, где она сохла.

– Все довольно просто, – заключил Оболенский. – Впрочем, как и примитивно.

– 7 –

Неспешные беседы продолжались подолгу, а прерывались чаще всего за шахматной партией. Но надзор чувствовался. Нередко во время вечерней беседы под окнами раздавались шаги жандарма, и тотчас можно было увидеть и его самого. Жандарм без особого стеснения сквозь щель в ставнях пытался подсмотреть, чем заняты петербургские бунтовщики. К такому «невидимому» надзору оба узника вскоре привыкли.

Относительная свобода закончилась довольно быстро. Заводское начальство вернулось из губернии, снабженное инструкциями. Горный полковник Крюков вежливо заинтересовался о prospects, но тут же дал нагоний подчиненным, так и не определившим занятия для новых кандалников.

– В варнице еще успеете нарабатываться, – Крюкову хотелось и строгость сохранить, и показать некоторую доброжелательность. – В лес пойдете. К зиме дрова нужны. Много дров.

Такое решение не могло не обрадовать Якубовича и Оболенского. Им, не знавшим тяжелого труда, оказаться у чренов, где выпаривалась соль, было бы самой тяжелой участью. И, наверное, в эту минуту они мысленно поблагодарили горного полковника за участие. Только, пожалуй, лояльное отношение к ним не было результатом либерализма или демократических взглядов заводского начальника. Вернее всего, расположение проявлялось на «всякий случай». Крюков впервые видел на заводе столь именитых каторжников, понимал, что в столице у них сохранились и добрые отношения, и связи. Да и в Иркутске, наверняка, не зря советовали не перегибать пока палку. Все это и заставило Крюкова, человека волевого и решительного, проявить некоторое расположение. К тому же резонанс выступления декабристов к тому времени до Сибири едва докатился. Немногие понимали все общественное и историческое значение восстания на Сенатской площади.

На следующее утро урядник Скуратов появился с парой казенных топоров. Он был довольно благосклонен. Видимо, почуствовал отношение к подневольному своему начальству. Скуратов был даже вежлив:

– Вы назначены в дровосеки. Вот топоры, а о норме узнаете на деляне.

Путь до места работы оказался недолгим. По соседству с заводом была налажена заготовка дров. Крестьяне из Усолия и других окрестных сел в надежде заработать лишнюю копейку подвозили свалянный лес, а здесь его пилили, кололи. По границе деляны в три, а то и в четыре ряда тянулись по-

ленницы добрых дров – сосновых, березовых, листовенных.

Процедура сия простая, но нелегкая, друг Евгений, – Якубович не удержался от шутки, когда солдат из заводской команды, приставленный для охраны, объявил об «уроке» на день.

Задача, особенно если учесть полную неподготовленность наших дровосеков, ставилась перед ними весьма затруднительная: каждому в день требовалось нарубить четверть сажени дров. Простая с виду работа на самом деле оказалась далеко нелегкой. Расколот большую чурку на части, а затем – на поленья, требовались навыки. Орудовать приходилось не столько топором, сколько колуном до клиньями.

Неожиданно пришла помощь. Среди тех, кто был занят на заготовке дров, нашлись доброты. Научили не только пользоваться нехитрым инструментом, но и помогли выполнить дневной урок. Охранник не обращал внимания на неожиданную помощь, позволявшую двум невольникам немного передохнуть, перевести дух. Якубович и Оболенский были по-настоящему тронуты таким участием в их судьбе местных жителей.

– 8 –

Это было первым, но не единственным проявлением дружеского расположения местных жителей к двум декабристам, оказавшимся на соляной каторге. Благодаря одной дружеской встрече, они сумели установить связь с Иркутском. Случилось так, что Якубович несколько дней не выходил на работу из-за воспаления глаз. Тогда-то и познакомился Оболенский с человеком, оказавшим вскоре им неоценимую услугу. Во время нескольких случайных встреч он обратил внимание на мужчину, делавшего какие-то таинственные знаки. Вскоре удалось и разговориться. Однажды утром Оболенский заметил своего «знакомца» (незнакомца), пробиравшегося сквозь чащу в уединенное место. О дальнейшем – подробная запись в дневнике, сделанная в тот же вечер.

«Недолго я думал, – пишет Оболенский, – и пошел за ним. Мой незнакомец встречает меня таинственными, но торжественными словами:
– Мы давно знаем о вашем прибытии, в пророчестве Иезикиима о нас сказано, и мы вас ожидаем – вас здесь много, надейтесь на нас, мы вас не выдадим.

Из его слов я видел сектанта, но ни место свидания, ни время не позволяли мне его разувить в его заблуждении. Уже слышался скрип телеги невадалеке.

– Ты ошибаешься, мой друг, но если хочешь послужить мне даровую службу, то исполни. Берешься ли доставить письмо к княгине Трубецкой в Иркутск? За труды не могу я тебе заплатить, у меня нет денег.

Недолго он думал.
– Будьте покойны, – сказал он мне, – завтра в сумерки я буду на таком-то месте, принесите письмо – оно будет доставлено».

Разумеется, весь вечер был отдан обсуждению неожиданного разговора. Подозво не должно было быть. Оболенский еще днем догадался, что его знакомец принадлежал к секте духоборцев, довольно распространенной в Сибири. По всему выходило, что стоило рискнуть.

– Сколько добра нам местные люди сделали, – Оболенский подытожил долгий разговор. – Доверимся еще раз.

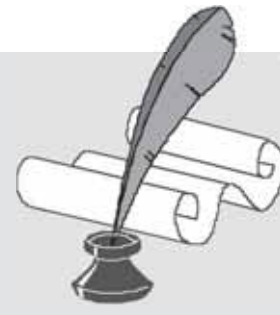
– И не ошибемся. Сибиряки – народ рискованный, – Якубович поддержал товарища.

К следующему вечеру письмо было готово, на несколько раз перечитано. В назначенное время Оболенский перedal его своему новому другу. В ту же ночь он отправился в Иркутск.

Расчет получился верным. Духобор оказался человеком слова. Через два дня, плотно прикрыл окна, при мигающем свете парафинового огарка, Оболенский и Якубович читали и перечитывали письмо княгине Трубецкой. Она уведомляла о своем прибытии, сообщала успокоительные известия о родных и обещала вскоре передать второе письмо.

Борис Крайнев.
Окончание следует.

Иллюстрации из книги «Усолье-Сибирское. Островки памяти. Историко-фотографический цикл 1967 – 2007 гг.»

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Летопись Юрия Колмакова

УВИДЕЛО СВЕТ продолжение «Иркутской летописи» Юрия Петровича Колмакова. Первая книга, изданная в 2003 году, вобрала в себя практически трёхсотлетнюю хронологию событий, связанных с историей Иркутска, – с 1661 по 1940 год. Вторая книга посвящена жизнеописанию города с начала Великой Отечественной войны до распада Советского Союза. Презентацию «Иркутской летописи, 1941–1991 гг.» автор-составитель доверил отделу краеведческой литературы и библиографии Централизованной библиотечной системы Иркутска.

Презентация уникального издания состоялась в музее истории города. В ходе вечера зачитывались отрывки из «Летописи» о событиях и людях, запечатлённых в книге. Особый интерес вызвало яркое выступление артистов Театра народного драмы, видеоряд «Страницы Иркутской летописи 1941–1991 гг. в фотографиях прошлых лет» (в основном, были представлены репродукции снимков из новой книги Ю.П. Колмакова) и появление в зале 600-тысячного жителя Иркутска Степана Викторовича Семёнова, запись о котором мы нашли в «Летописи».

Степан Семёнов, двадцатилетний юноша, работает дизайнером в одной из иркутских фирм. В видеоряде был показан слайд, где на снимке 1985 года можно увидеть новорожденного 600-тысячного жителя нашего города в детской кроватке. Помощь в поиске Семёнова сотрудникам краеведческого отдела ЦБС оказала начальник отдела адресно-справочной работы ЮФС России по Иркутской области Т.А. Торова, за что мы выражаем ей благодарность.

документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области. В первую очередь подняты документы областного, городского и районных городских Советов депутатов трудящихся (с 1977 года – народных депутатов). Изучены материалы архивных фондов промышленных предприятий, учреждений культуры, здравоохранения, общественных организаций».

Юрий Петрович Колмаков родился 23 июля 1930 года в Иркутске. В 1959 году окончил Иркутский государственный университет по специальности «история». Его учителями были известные учёные-историки – профессор Ф.А. Кудрявцев, С.В. Шостакович, доценты С.Ф. Коваль, Е.М. Даревская. После окончания аспирантуры и защиты в 1972 году кандидатской диссертации по теме «Крупная торговая-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма (1898 – март 1917 года)», Юрий Петрович преподавал в Иркутском государственном педагогическом институте на кафедре истории СССР,

Фрагмент из книги «Иркутская летопись, 1941–1991 гг.»

Работа Ю.П. Колмакова по сбору материалов по летописной истории города – кропотливая и творческая, она адресована не только нынешним жителям Иркутска, но в большей степени будущим поколениям. Известный хирург Н.Н. Бурденко сказал: «Тот, кто работает, всегда молод». Это высказывание в полной мере относится к Юрию Петровичу Колмакову. Возраст не помеха, если человек предан любимому делу. Свидетельство тому – издание фундаментального труда по истории Иркутска.

Иркутск всегда славился летописцами. Свои бесценные записки оставили купцы Василий и Алексей Сибиряковы, В.Н. Баснин, краевед А.И. Лосев, летописцы П.И. Пеземский, В.А. Кротов, Н.С. Романов. Читая строки их летописей, мы можем узнать, как жили иркутяне в прошлые века, какие события происходили в городской жизни, какие праздники отмечались.

Юрий Петрович Колмаков продолжил традиции иркутского летописания. Во вступительной статье к новой книге автор-составитель пишет: «...для составления летописи пришлось просматривать большой объём периодической печати советского периода, на страницах которой отложилось сведения об экономической, политической и культурной жизни города Иркутска за 50 лет его истории. Но необходимо отметить, что в условиях партийной диктатуры и жёсткой цензуры многие события и факты не стали достоянием граждан. Некоторые из них приводятся на страницах нашего издания. В период демократического строительства в стране появилось много новых газет и журналов разного политического направления, в которых было напечатано немало статей, воспоминаний и сведений по истории Иркутска... Кроме периодической печати и монографической литературы, для составления летописи были привлечены

работал в областном краеведческом музее, Государственном архиве Иркутской области, заведовал музеем пединститута.

Значительное место в научных исследованиях Колмакова занимает краеведческая тематика. За 50 лет научной и публицистической деятельности им было опубликовано огромное количество научных статей по истории Иркутска: по памятникам на территории города, названиям улиц, истории Иркутской епархии, советско-монгольских связей, декабристского движения. Он знакомил читателей газет со становлением коммунистических организаций корейцев в Советской России, развитием крупной торговли-промышленности буржуазии в Сибири. Его статьи опубликованы на страницах «Большой Советской энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», «Британской энциклопедии».

К «Иркутской летописи» трудолюбивого краеведа в библиотеках обращаются люди разных возрастов. Востребованы такие работы Юрия Петровича, как «Памятники гражданской войны» в сборнике «Памятники истории и культуры г. Иркутска», «Памятники государственного устройства и общественной деятельности», «Путешествие по улице Карла Маркса», «По улице Ленина», буклет «Монгольские революционеры в Иркутске в 1920 году».

Известна иркутянам и общественная деятельность летописца. В 1961 году он принимал активное участие в создании Иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников и культуры. До настоящего времени Юрий Петрович состоит членом президиума регионального отделения ВООПИК.

Е. Кустова, Р. Михеева,
отдел краеведческой литературы и библиографии Централизованной библиотечной системы города Иркутска